

Владимир Виленович
Лиштванов

Влюбчивый однолюб

Владимир Лиштванов

Влюбчивый однолюб

«Издательские решения»

Лиштванов В. В.

Влюбчивый однолюб / В. В. Лиштванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981289-6

Жениться по любви не могут короли, а простые смертные могут! Но когда ты вступил в брак по взаимной страстной любви, то должен ей соответствовать. А как устоять, коль вокруг такая куча разнообразных соблазнов? Да ещё уйма повседневных неурядиц и происшествий. А жизнь преподаёт всё новые испытания. Можно ли сохранить лодку семейного счастья в бурном море, что омывает житейскую прозу бытия? Прапорщик Отрепьев пытается сохранить любовь шибко неординарным образом, но сможет ли он это сделать?

ISBN 978-5-44-981289-6

© Лиштванов В. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвёртая	22
Глава пятая	25
Глава шестая	33
Глава седьмая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Влюбчивый однолюб

Владимир Виленович Лиштваков

© Владимир Виленович Лиштваков, 2021

ISBN 978-5-4498-1289-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Прапорщик Леонид Отрепьев с получаса сидел за столом служебного кабинета.

Он тупо уставился в присланный приказ областного начальства о начале осеннего призыва молодых людей в армию, но никак не понимал сути документа.

Внимание прапорщика не сосредотачивалось на тексте. Мысли непозволительно дерзко витали высоко в белоснежных облаках.

Они не давали покою и заставляли ворошить в памяти события прошедших лет.

Да ещё нахальный луч солнца самоуверенно пробил облачную завесу и, дурачась, принялся нежно гладить Отрепьева. Он дарил тепло и навеивал приятные воспоминания, не располагавших к выполнению непосредственных служебных обязанностей. Нагретый запах пыли ударял в нос, чем отвлекал от порученной работы.

– Надо уборщице дать задание, чтоб тщательней прибрала помещение, – подумал прапорщик.

Чтоб заставить себя приступить к работе с документацией, Леонид встал из-за стола, вышел из кабинета и отправился к умывальнику.

В умывальной комнате он открыл водопроводный кран и сполоснул лицо прохладной жидкостью. Это его изрядно взбодрило. Он посмотрелся в зеркало, что висело над умывальником.

На прапорщика смотрел молодой мужчина тридцати семи лет, невысокого роста, худощавый, в военной форме, ладно подогнанной по фигуре. Его чисто выбритое, малость вытянутое лицо, выражало умиротворение.

Удовлетворившись увиденным, Отрепьев вернулся в кабинет, сел за стол и вновь взял в руки присланный документ.

Приказ о призыве в действующую армию вносил разнообразие в монотонную службу Леонида Отрепьева.

Наконец, появилось стоящее дело, что давало развернуться его предприимчивой натуре, и чем предстоит заняться вплотную в данные три месяца.

За окном конец первого месяца осени, а не конец весны, да и возраст у Леонида не безусого юнца, а степенного мужа, но душа не находилась на месте.

В глубине его души не имелось безмятежного покоя, неясное предчувствие пророчило приятные события в будущем. Это льстило самолюбию и заставляло отвлекаться от служебных дел на несвоевременные воспоминания и сладострастные мечты.

Хотя, что нереально приятное, возможно, произойдёт в очередном призыве в армию?

Эта рутинная работа, отлаженная до автоматизма, совершается ежегодно, и никаких неожиданностей не влечёт.

Это возня с кучей нужных и ненужных бумажек, организация и проведение томительных медкомиссии призывников. Бесконечные встречи с родственниками новобранцев по разнообразным вопросам, отчего башка случается, идёт кругом.

Вся эта работа доставляла Отрепьеву непосредственное удовольствие, но и требовала титанических сил и нервов, чтоб успеть сделать всё хорошо и вовремя.

Да и родственники призывников попадались разные. Одни всё понимали с первого раза, а другим приходилось объяснять длительно, нудно и не один раз. Третьи так ничего и не понимали, и уходили недовольные.

Пять с половиной лет он служит прапорщиком в родном районном военкомате и по долгу службы занимается призывом новобранцев в армию.

Служба у Леонида непыльная и не доставляет ему больших забот и хлопот.

Временами, когда смотрел на военкома, средних лет, маленько заплывшего жирком и начавшего лысеть, майора Дёмина, на Леонида нападала хандра.

Отрепьев с сожалением замечал, что и он тоже имел возможность дослужиться до майора, а ежели не до майора, то капитанские погоны сегодня носил наверняка.

Да, имелась возможность у Леонида воплотить давнюю детскую мечту в жизнь и стать офицером Советской Армии, безусловно, наличествовала. Он находился в шаге от претворения давнишней мечты, но, видно, судьба не позволила осуществить это, не сложилось.

А всё из-за жены, Тамары. Как он её частенько мысленно называл: «царицы Тамары».

Больно любил он её, баловал, потыкал любой прихоти. Не мог, да и до сегодняшнего дня не может, ей ни в чём отказать.

Он до сих пор помнит тот жаркий летний день после седьмого класса, когда они гурьбой отдыхали на пляже. Тамара загорала в открытом купальнике, что позволяло хорошо созерцать её сформировавшееся на тот момент юное и столь желанное тело.

Словно его сотворил древнегреческий ваятель из первосортного мрамора.

Точёные упругие грудки, как крупные наливные яблоки, призывно торчали, стараясь вырваться из плена мешавшей материи. Нежная линия талии плавно перетекала в бёдра, что соперничали с грудями по зрелости и округлости. Походка девушки отличалась восхитительной плавностью и грациозностью.

Он мгновенно влюбился в это внеземное совершенство. Ему страшно захотелось обнять пленительное тело Тамары, но Леонид не посмел прикоснуться к этому эталону божественной красоты. Но он нашёл в себе силы и начал дружить с хозяйкой этих аппетитных форм.

Тамара полностью пленила сердце Леонида, и он ничего не может, да и не хочет, с этим поделать.

Сейчас дай ему волю и возможность прожить жизнь заново, Леонид ни за какие сладкие коврижки, не поступил так, как тогда. Сегодня он понимает, что любовь любовью, а карьера это карьера.

Но вдруг вновь встанет перед ним дилемма: любовь или карьера, он до сего дня не уверен, что выберет карьеру.

А карьеру военного лучше начинать с лейтенанта, а не как у него, со сверхсрочника, в этом Леонид на сто процентов не сомневается.

Лучше служить офицером хоть и не старшим, но командовать, чем оставаться прапорщиком и беспрекословно выполнять любой приказ этих товарищей офицеров.

Во все прошлые и нынешние времена, сообразительными, исполнительными прапорщиками офицеры безоговорочно дорожили и дорожат. Такие прапорщики пользуются заслуженным уважением, они в любой период высоко ценились и ценятся, а вдвойне, когда занимали «хлебное» место. Но проходить кадровую воинскую службу лучше офицером.

К этой мысли Леонид приходил всё чаще и чаще, и от этого на сердце становилось грустно, да печально.

Да, подкузьмила ему ненаглядная царица Тамара, ох уж как подкузьмила.

Глава вторая

А начиналось-то всё так хорошо, просто замечательно!

В армию служить ушёл после окончания десятого класса. Тогда служба в армии считалась ещё почётным делом, и никто не помышлял откосить, или увильнуть.

Он дружил с Тamarой, со школы, с восьмого класса и считались они женихом и невестой.

Она клятвенно обещала его ждать весь период службы и он, одухотворённый, окрылённый посулами, с юношеским чистым сердцем отправился отдавать долг любимой Родине.

После учебки, Леонид попал в Москву, в роту почётного караула. До армии, он ни одного раза не посещал столицу.

Москва поразила громадными размерами и большим людским потоком, деловито снующим в разные стороны, как муравьи в огромном муравейнике.

Особенно запомнилось несение караула у Мавзолея. В первый раз, от волнения он, вообще, ничего не слышал и не видел, но потом всё нормализовалось.

Его удивил огромный людской поток, бесконечной рекой медленнотекущей в двери Мавзолея.

Это были молодые, среднего возраста и старые; женщины, мужчины и дети, разных национальностей из разных концов Советского Союза и зарубежных стран, они стремились собственными глазами увидеть тело вождя мирового пролетариата.

Людям приходилось занимать очередь в 4—5 часов утра, чтобы попасть в Мавзолей часам к 11—12 дня в любую погоду, в любое время года.

Сам Леонид заходил вовнутрь Мавзолея не один раз. Он проходил по коридору в полумраке помещения и попадал в зал, его освещал неярко искусственный свет.

Посреди зала, на тёмном постаменте стоял прозрачный саркофаг, в нём лежало тело В. И. Ленина.

Прошло пятьдесят четыре года со дня смерти вождя, но лицо выглядело, как у человека позавчера умершего.

Говорят, что когда В. И. Ленин умер, то встал вопрос о захоронении вождя, или сохранении тела для потомков.

Против мумифицирования вождя выступали, как отдельные руководители государства, среди противников находился Л. Д. Троцкий, он занимал тогда второй по значимости правительственный пост, категорически против выступала и вдова В. И. Ленина – Н. К. Крупская.

Инициатором мумифицирования В. И. Ленина, считался И. В. Сталин, он желал сделать из своего бывшего противника по внутрипартийной борьбе икону новой религии.

И. В. Сталин вызвал видных учёных того времени и поставил перед ними задачу: разработать состав для того, чтоб сохранить тело Ильича. Учёные знали, что тибетские монахи владеют секретом бальзамирования умерших. Они организовали в те края экспедицию, чтобы узнать этот секрет.

Прибыв на Тибет, участники экспедиции нашли монахов, кто владел искусством бальзамирования, но те поставили условие, что они поделятся секретом бальзамирования, когда Советская власть выпустил десятых лам из тюрем.

Учёные телеграфировали лично И. В. Сталину это условие и он, от имени правительства, дал согласие на освобождение арестованных лам. Лам выпустили из тюрем, а учёные из экспедиции получили рецепт для бальзамирования.

Прибыв в Москву, учёные приступили к подготовке тела вождя к бальзамированию.

Во время работы, они пришли к выводу, что в случае окончательного следования рецептам тибетских монахов, то тело настолько хорошо забальзамируется, что в будущем его трогать не требуется, и услуги этих учёных будут не нужны.

Чтобы оказаться нужными и в будущем, они не стали проводить заключительную процедуру бальзамирования, что поведали тибетские монахи.

С тех самых пор, регулярно, один раз в полтора года, тело вынимается из саркофага и помещается в специальную ванну с химическим раствором. Осуществляется перебальзамирование.

Поговаривают, что над обслуживанием тела Ленина работает целый научно-исследовательский институт.

Но возможно, что всё это досужие сплетни, да домыслы. Этого Леонид не знал, да и интересоваться не имел желания.

Ещё во время службы Леонид любил пребывать в увольнении.

Можно спокойно побродить по городу, сходить в кино, театры, музеи их в Москве достаточно количество.

Сослуживцы бегали на свидания к девчонкам, но Леонид этого не делал. У него имелась ненаглядная Тамара и ему никто не нужен. Он ей регулярно писал душевные письма, описывал все превратности воинской службы. Сообщал, что ужас как скучает и безумно любит её.

Тамара тоже регулярно писала письма, сообщала о жизни, о последних новостях из райцентра, уверяла, что скучает и ждёт возвращение любимого. Клялась в вечной любви и преданности, называла милым, родным, единственным. Уверяла, что жить без него не может, и считала дни до возвращения Леонида.

Служба прошла хорошо. Когда ему, в конце службы, предложили поступить в высшее военно-политическое училище, он не отказался, а с большой охотой согласился.

К огромной радости, вступительные экзамены сдал нормально и вскоре, стал курсантом первого курса свердловского высшего военно-политического танково-артиллерийского училища. Его давняя мечта сбылась.

После срочной службы и казарменной жизни, жизнь в училище показалось раем, занятия оказались необременительными, наука ему давалась легко, свободного времени имелось в достатке и всё казалось прекрасным.

Вот только невеста Тамара...

Тамара как будто с цепи сорвалась! Вместо любящей, ждущей жениха девушки, она, превратилась в злобную и капризную Мегеру!

В письмах к нему она выступала категорически против того, чтобы Леонид учился в военном училище.

«Я на тебя угробила всю молодость, прекрасные годы жизни! Я тебя прождала два года из армии, когда служил срочником», – писала она в гневных письмах, – «а сейчас ещё ждать тебя четыре года! А потом, всю оставшуюся жизнь, мотаться по различным таёжным закоулкам и медвежьим углам, из одного военного городка в другой! Я этого не хочу! Я этого не вынесу! Не могу я так больше! Не нужна мне такая жизнь с тобой!»

Леонид окончательно растерялся.

Гневные письма от Томи всё шли и шли, а он не знал, что делать и как поступить в сложившейся ситуации. В ответных письмах он пытался её успокоить, приводил убедительные доводы, рассказывал положительные примеры, уговаривал, но всё тщетно.

Леонид оказался не распуте. Он чувствовал себя довольным, что исполнялась давняя заветная мечта стать офицером и перспектива всю сознательную жизнь посвятить армии воодушевляла его. Но с другой стороны, Тамара выступала категорически против учёбы Леонида в училище и не желала ждать, не хотела, чтоб он становился офицером. Ей страстно хотелось, чтоб возлюбленный находился рядом с ней не через четыре года, а в данную минуту.

Это Леонида ужас как огорчало, он не понимал её. Не понимал, как любимая девушка не разделяет взглядов и намерений возлюбленного. Леонид мучился над этим.

Занятия в училище шли своим запланированным чередом, они отвлекали его на малую каплю от всех этих грустных дум и возникших затруднений, но когда он оставался наедине с собственными мыслями, то клубок неразрешимых проблем сызнова вставал перед его утомлённым взором, что не позволяло разуму спокойно отдохнуть.

Последней песчинкой, что склонила чашку весов сомнений Леонида в пользу Тамары, явилось письмо, что пришло от неё в конце летней сессии. Где в ультимативной форме говорилось, что в случае, если он не бросает училище, то Тамара бросает Леонида и выходит замуж за другого.

Этого Леонид допустить не мог. Он непомерно глубоко любил Тамару, чтобы стерпеть всё это.

Это письмо решило всё.

Последние сомнения, как вчерашнее похмелье, мгновенно выветрились из головы влюблённого курсанта, и Леонид стал атаковать военное руководство рапортами об исключении его из числа курсантов училища.

В то время бросить военное училище считалось трудным делом. Для этого курсанту предстояло совершить серьёзное правонарушение, или сделать такое, что не соответствовало моральному облику будущего офицера. По этой причине, руководство училища, вначале не обращало на эти бумаги никакого внимания, но поток рапортов от Леонида не иссякал.

Как капли воды, что монотонно падают на камень и точат его, так бесконечное число рапортов, поданных руководству училища, возымели требуемое действие.

В конце его упорных трудов с подачей рапортов, Леонида вызвали к начальнику училища.

Перед дверью кабинета начальника училища Леонид остановился и осторожно прислушался. В кабинете стояла напряжённая тишина. Леонид робко постучался в дверь кабинета, а затем минуту подождал, но не получив ответа, открыл её и тихо вошёл.

Леонид оказался в просторном помещении, вдоль стен стояло два десятка стульев. В глубине кабинета расположился огромный стол, за ним сидел уже в годах пожилой мужчина в форме генерал-майора.

Он сосредоточенно писал что-то на листе белой бумаги. Со стороны казалось, что он полностью не обращал никакого внимания на вошедшего.

Леонид вытянулся, как учили, по стойке «смирно» и по всей требуемой форме доложил о прибытии. Но генерал-майор не взглянул в сторону курсанта, или хоть кивнул.

Начальник училища сосредоточенно продолжал заниматься прежде начатой работой.

Возможно, он делал вид, что работает, но Леониду от этого не становилось легче. Не зная, что делать, курсант продолжал стоять, вытянувшись во весь собственный рост и замерев на месте.

Прошло пять томительных минут, что показались Леониду вечностью, но генерал-майор, не обращал на него никакого внимания.

От усталости и нервного напряжения у Леонида заболели все мышцы тела. Он стал чувствовать, что не сможет длительное время стоять и сейчас упадёт, но вдруг генерал-майор оторвался от бумаг и поднял на него глаза. В них светился гнев и сильнейшее раздражение:

– Ты понимаешь, что ты натворил? – в глубокой ярости проговорил начальник училища.

– Да, понимаю, – грустно ответил Леонид.

– Нет, ты ничего не понимаешь! – едва сдерживая себя, продолжал гневную тираду генерал-майор, – ты занял чужое место! Достойный парень хотел попасть, к нам учиться, но не попал! Ты занял это место! Хорошо учился, а сегодня ты вознамерился бросать училище. Так мужчины не поступают!

Затем, начальник медленно встал, подошёл к нему и отвесил звонкую пощёчину.

После чего, протянул руку и пожал ладонь полностью обескураженному Леониду, сквозь зубы произнёс:

– Ты ещё об этом пожалеешь. Иди, забирай документы.

Леонид с облегчением вышел из кабинета и быстрым шагом заспешил в канцелярию училища. Там ему отдали полностью готовые бумаги и отпустили на все четыре стороны.

Глава третья

Пожалеть о содеянном Леониду пришлось через сутки в скором поезде, когда он возвращался домой. То ли с великого горя, что расстался со своей давней мечтой, то ли от радости, что через двое суток обнимет любимую девушку, раздавил пару бутылок водки с товарищем по боковому месту плацкартного вагона.

Алкоголь расслабил его истерзанную, всеми перипетиями последних событий, утомлённую душу и он, явственно понял, что сделал большую ошибку, и она переросла в неприкрытую глупость. Поменял давнюю мечту, стать кадровым офицером, на любовь к девушке, допустим, и самой прекрасной на всём белом свете, и единственной в бескрайних просторах вселенной.

Но любовь зла, не мог он жить, без ненаглядной Тамары! Леонид полностью не представлял, как это можно не находиться рядом с ней, не любоваться правильными чертами лица возлюбленной, восхищаться соблазнительным телом; не ощущать очаровательный запаха мягких волос.

Служба в армии, да начало учёбы в военном училище усилили его страстное желание постоянно пребывать рядом с Томой и не отпускать её ни на одну минуту, ни на долю мгновения.

Молодой организм, всеми фибрами истосковавшейся души, жаждал любви и женских ласк!

Под воздействием алкоголя Леонид понял, что эта причина оказалась главной, из-за чего он поддался на беспрестанные уговоры и угрозы Тамары и бросил военное училище.

Остальные причины считались тоже вескими, но они отходили на второй план, по сравнению с этой.

Двойное чувство охватило его: с одной стороны, он балдел от счастья, что едет к несравненной царице – Тамаре, но с другой стороны, находился в сильной печали, что не осуществил давнюю мечту и не стал офицером.

Как в тумане он вернулся в родной райцентр и женился на Томе.

Но как насмешка Судьбы, на третий день после свадьбы с Тamarой, пришла повестка из военкомата.

Эта повестка страшно удивила Леонида. Он собрался, и с утра следующего дня поехал в военкомат выяснять причину столь странного вызова.

В военкомате он узнал, что изменилось время срочной службы и ему надо ещё дослужить шесть месяцев.

Эта новость вновь всколыхнула в душе, давненько забытые переживания и он, остановился в коридоре около лестницы, в глубоком раздумье.

Он считал, что прошедшая свадьба и счастливая жизнь с Тamarой, что стала официальной женой, окончательно вытравили из души сожаление о брошенной карьере военного.

Так нет! Не успел он толком побыть в военкомате, как все прошедшие события с яркой отчётливостью встали перед удивлённым взором, словно всё произошло только вчера.

Основательно погрузившись в невесёлые мысли, Леонид не заметил, как к нему подошёл, спускавшийся по лестнице земляк, тогда ещё капитан Дёмин.

– Ты что делаешь в этих краях? – удивлённо спросил Дёмин, после обмена рукопожатиями.

– Да Юрий Владимирович, вызвали меня по повестке, – ответил растерянно Леонид.

– И что сказали? – стал допытываться Дёмин.

– Ещё надо служить шесть месяцев, – грустно ответил Леонид.

– Слушай, – обрадовался, вдруг пришедшей внезапной мысли, Дёмин, – у нас в районе образовался новый военкомат! Меня назначили в нём военкомом! Хочешь, оставайся на сверхсрочную и будешь со мной служить!

– Спасибо, я согласен, Юрий Владимирович, – недолго раздумывая, проговорил обрадованный Леонид.

– Тогда, поехали! – скомандовал Дёмин и зашагал к выходу.

Леонид поспешил за ним.

Во дворе военкомата их ждала легковая машина. Они сели в неё и поехали.

Всё складывалось, как лучше нельзя придумать, явно невидимая рука Провидения вела их к намеченной цели.

Пятнадцать километров от райцентра до областного города они преодолели проворно, по неплохой асфальтовой дороге.

В городе, также живо добрались до областного военкомата. В облвоенкомате Дёмин с Леонидом за полчаса оформили все необходимые бумаги и с сегодняшнего дня Леонид Иванович Отрепьев, стал сверхсрочником, штатным сотрудником райвоенкомата.

Они вернулись в райцентр, где жили, чтоб посмотреть выделенное здание под военкомат. Прибыв по указанному адресу, они увидели одноэтажное здание П-образной формы. По центру планировалось, будет располагаться сам военкомат, правое крыло предполагалось отдать под архив, а в левом собирались устроить призывной пункт с медицинской комнатой для обследования новобранцев.

Вернувшись домой, Леонид поделился с женой радостным известием.

Эту новость Тамара восприняла без огромного энтузиазма, но то, что муж будет служить дома, рядом с ней, едва утихомирила её негативное отношение к очередной, как она считала, глупой выходки мужа.

Тёща тоже выразила недовольство. Ей не нравилась идея видеть зятя в военной форме.

С ней у Леонида с самого начала сложились натянутые отношения. Между ними возникла взаимная антипатия. Тёща ежечасно стремилась осмеять, побольнее кольнуть острым языком зятя, а он не оставлял без реакции эти слова.

Не такого мужа хотела тёща для дочери, нет, не такого.

Тамара представляла собой красивую, стройную, со светлыми волосами женщину, она имела приличную работу заведующей складом в Райпо.

В советские времена сплошного дефицита, эта должность позволяла Томе вращаться в руководящих кругах района. Имея доступ к дефицитным товарам, от неё зависело, кто из руководства района и председателей колхозов получит заветный товар, а кто нет.

Это вызывало у руководства взаимное уважение и ощущение обязанности перед Тамарой.

По этой весомой причине и муж ей требовался соответствующий, а не такой, как Леонид.

Зять не соответствовал тёщиным требованиям. Даже то, что он на три месяца моложе дочери, вменялось в вину.

В Леониде её раздражало всё: и то, что щупл и невысокого роста, что некрасив, и то, что не имел должного образования, а всего десять классов средней школы.

Но главный недостаток зятя, и её страшно бесило от этого, что он жил в примаках.

Она привыкла считать себя полноправной хозяйкой в доме и чужой человек, пущай и муж дочери, психологически сковывал и раздражал.

Видя такое отношение, Леонид непроизвольно также негативно стал относиться к теще, как расписался с Тамарой. Дальше – больше. Отношения с тещей стали не просто до чёртиков натянутыми, а по правде сказать враждебными.

Из тещиной родни, он глубоко уважал одну мать тещи, бабушку жены. Бабу Аню, как все её называли.

Баба Аня имела маленький рост, представляла собой щуплую женщину. Она родила восьмерых детей, но в живых осталось трое, среди оставшихся и теща.

Она казалась настолько хрупкой по внешнему виду, что Леонид за бабкиной спиной, а встречались случаи и в глаза, называл бабу Аню: «одуванчиком божьим». На что баба Аня не обижалась, а говорила в ответ, что мал золотник, да дорог.

С первых дней женитьбы Леонида, она не один раз говорила ему:

- Забирай Томку из этого дома и уезжай!
- Почему, баба Аня? – удивлялся Леонид.
- Томкина мать вас обязательно разведёт.
- Зря вы так говорите.
- Я знаю, что говорю. Она развела двух собственных сыновей, разведёт и дочь.

Леонид не поверил такому предсказанию, считал это старческими причудами.

Прошло семь месяцев, Леонид с Тамарой жили счастливой семейной жизнью и не будь словесных перепалок с тещей, он ощущал себя счастливей втрое.

В один из памятных дней баба Аня собрала всех родных дочерей с мужьями, всех внуков с мужьями, усадила за стол и принялась угощать.

Мужчинам наливала самогон собственной выгонки, чистый, как слеза, по целой рюмке. Женщинам едва прикрывала доньшко.

– За что пьём мама? – удивлялись дочери.

– За то, что вы у меня все гостите. Давненько вас не видела вместе, – отвечала баба Аня.

Все дети и внуки ели и пили, а сама баба Аня ни ела, ни пила, а токмо уходила к себе в комнату с той минуты, как наполнит опустошённые рюмки.

В очередной раз баба Аня наполнила гостям рюмки и ушла в собственную комнату и минут сорок не выходила.

– Куда мама делась? Что она подолгу не выходит? – забеспокоилась тёща Леонида.

Она встала из-за стола и направилась в комнату матери. Не прошло и двух минут, как оттуда раздался истошный, душераздирающий нечленораздельный рык. Точно какой зловещий зверюга получил смертельную рану от охотника и сейчас издаёт последние звуки перед издыханием. Крик звучал жутко и невыносимо, у присутствующих всё внутри задрожало и перевернулось, а по коже пробежал неимоверный мороз. У иных от ужаса волосы поднялись дыбом. Так страшно кричала тёща Леонида. Все бросились в комнату бабы Ани.

На кровати, со скрещёнными руками на груди и умиротворённым, просветлённым лицом, лежала баба Аня. Тело усопшей начало остывать.

Так она простилась со всеми родственниками, не доставила никому из них лишних хлопот и забот.

Смерть матери не затмила у тёщи ненависти к Леониду. Она яростно настаивала против того, чтоб Леонид принимал участие в похоронах. Но сестра возмутилась:

– Ежели Леонид не будет хоронить, то моей ноги больше не будет в этом доме! Ты мне больше не сестра!

Единственно после этого тёща, скрепя сердцем, согласилась, чтоб Леонид участвовал в похоронах.

Глава четвёртая

Прошёл ещё год. За это время, Леонид окончил школу прапорщиков и стал работать в отделе по работе с призывниками. Вскоре ему присвоили звание прапорщика, а Дёмину – майора.

Леонид, как сейчас, помнит тот день.

Это произошло в начале лета. Молодая, светло-зелёная листва на деревьях весело шелестела под порывами шаловливого, тёплого ветерка.

Леонид шёл на службу по улице, где находилось здание райвоенкомата в приподнятом расположении духа.

Утреннее солнце, ослепительно сияющее в безбрежной голубизне безоблачного неба, ещё не припекало, но радостно и нежно ласкало лицо, как юная дева ненаглядного возлюбленного.

Чудесное летнее утро дарило Леониду прекрасное настроение.

У него складывалось всё великолепно и на службе, и в семье. Хоть с тещей и продолжались трения, но все эти мелочи не излишне влияли на настроение Леонида. Он чувствовал себя бодрым и весёлым.

Войдя в военкомат и заняв своё служебное место, Леонид не успел продолжить начатую ещё накануне работу, как вызвал военком.

Войдя в кабинет военкома, Леонид застал его одного, держащего какой-то документ в руках.

– Вызывали, Юрий Владимирович? – спросил Леонид.

– Да, проходи, – ответил Дёмин и протянул ему документ, – на, прочти.

Это оказался долгожданный приказ о присвоении очередных воинских званий. Звание «майор» присваивалось Дёмину и звание «прапорщик» присваивалось Отрепьеву.

– Это надо отметить, – сказал новоиспечённый майор Дёмин и полез в сейф.

Из сейфа он достал бутылку водки.

– Сейчас я сбегаю за закуской, – предложил Леонид.

– Давай, – согласился Дёмин.

Леонид вернулся в собственный кабинет, достал собранный Тамарой на обед свёрток и быстрым шагом вернулся в кабинет начальника.

За это время Дёмин поставил на стол два гранёных стакана и наполнил ёмкости водкой. Леонид развернул свёрток с едой, и положил на стол. Дёмин взял стакан в руку, Леонид последовал примеру старшего по званию.

– Давай выпьем за наши новые звания, – предложил военком, – и чтоб они были не последними.

Мужчины выпили и закусили. Ощущение тепла разлилось по всему телу Леонида. Он с трудно скрываемой радостью отметил, что хоть и не стал офицером, но получил звание прапорщика, а это значит давнишняя мечта, что появилась после рассказов отца – фронтовика, сбылась.

Отец не любил рассказывать о войне. Пожалуй, что на праздник в честь дня победы, с соседом, тоже фронтовиком, они выпивали по стакану самогонки и начинались воспоминания.

Леонид, замирал и, старался не дышать, слушал эти рассказы, с раннего детства решив, что обязательно станет военным.

Отец командовал штрафбатом всю войну на ленинградском фронте.

В штрафбат попадали те, кто дал в морду вышестоящему командиру, или не выполнил приказ командования, или загулял со связисткой, а у той имелся любовник из вышестоящих офицеров.

После первой крови штрафник считался оправданным.

Случаев побега к немцам не происходило. За всю войну лишь один штрафник попытался сбежать, но отец сам находился у пулемёта и смертельно ранил перебежчика.

Составили протокол и подняли в атаку батальон, чтобы забрать труп. Немцы тоже поднялись в атаку и первыми успели забрать погибшего.

После войны отца вызвали в отдел НКВД, где в одной из комнат показали мужчине, он признался на допросе, что оказался тем самым перебежчиком.

Этого человека смертельно ранили в тот день, но немцы его прооперировали и он выжил, а потом работал у немцев. После окончания Великой Отечественной войны он скрывался, но советские органы выследили и арестовали.

В самом конце войны отец ехал на танке, а из лесополосы бросили гранату. Бойцы срочно доставили раненого в госпиталь.

Врачи сделали всё, что могли и вернули его с того света.

В память об этом ранении, у отца вся спина осталась изрядно нашпигованной осколками от гранаты, имелся осколок и в височной кости черепа.

Окончание войны он встретил в госпитале, где ещё полтора года лечился.

При выписке ему дали вторую группу инвалидности.

После войны в 1951 г. отец работал вторым секретарём райкома КПСС, Леонид в тот год появился на свет.

На одном из докладов, в честь не помнит какого праздника, он не так осветил современную политику и «молчи-молчи» доложили куда следует, в соответствующие инстанции. На следующий день пришли в дом двое в военной форме, но без знаков различия.

Отец, посмотрел на них и всё понял. Он попрощался со всеми домочадцами, обнял недавно родившегося сына, и вышел с прибывшими.

Его посадили в машину и увезли.

На судебном заседании дали два года Гулага. Он не согласился с таким произволом и подал апелляцию.

Суд пересмотрел дело отца и дал три года лагерей.

После смерти Сталина его реабилитировали.

Он подал прошение о восстановлении в партии. Через малый промежуток времени, вызвали в Москву на приём к А. Я. Пельше.

А. Я. Пельше выслушал доклад отца и сказал, что он вступил в партию во время войны и заслуживает, чтоб его восстановили в ней.

За всё, что случилось с отцом, А. Я. Пельше попросил у него прощение и сообщил, что время было такое.

Отец расхрабрился и доложил, что его лишили пенсии по инвалидности. А. Я. Пельше попросил подождать в приёмной.

Через минут двадцать к отцу подошла женщина и провела его в другой кабинет.

Она направила его в собес, где отцу восстановили пенсию, выплатили за 6 лет, за всё время, что не получал. Да ещё дали ему не вторую, а первую группу инвалидности.

Глава пятая

Резкий, нетерпеливый стук в дверь прервал воспоминания прапорщика Отрепьева.

Не успел Леонид ответить, как дверь кабинета отворилась и в проёме показалась мило-видная, коротко подстриженная женская головка.

Она с любопытством шаловливого ребёнка окинула лукавым взглядом всё помещение и впорхнула вовнутрь.

Хозяйкой этой обворожительной головки оказалась жутко симпатичная девушка с чертовски привлекательной фигуркой, туго обтянутой джинсами и тонкой полупрозрачной кофточкой с глубоким декольте. Сквозь кофту без проблем угадывался кружевной бюстгальтер, плотно облегающий её соблазнительные полноватые грудки, что задорно выпирали из этого лишнего укрытия. Сверху на симпатяжке расположилась осенняя куртка нараспашку.

О таких красотках говорят, что всё у неё есть на своём нужном месте.

Одежда всего-навсего подчёркивала очаровательные формы, чем создавался определённый шарм фигуре хозяйки.

Леонид, как замороженный, не мог немедленно оторвать глаза от этого ангела в земной плоти, что сошёл к нему с небес. Опытный взгляд покорителя женских сердец принялся освобождать от одежды это небесное создание, а ум услужливо стал рисовать эротические картинки в мозгу хозяина.

Прапорщик жутко позавидовал тому, кто ласкает хозяйку обворожительного тела, а сам страстно захотел сделать это немедленно.

Девушка вошла не одна, за собой, как мать ребёнка, вела за руку долговязого угловатого паренька, лет восемнадцати.

– Мне нужен прапорщик Отрепьев, – нежно прошептала девушка.

– Я вас внимательно слушаю, – проговорил Отрепьев, он жутко заинтересовался вошедшей девушкой.

– Моего мужа, – заискивающе сказала девушка, и указала на спутника, – призывают в армию, в пограничные войска, а мы всего неделю как поженились.

– Этот молодой человек вам приходится мужем? – страшно разочарованно произнёс Отрепьев.

– Да, это он, – уверенно проговорила девушка.

Леонид никак не ожидал, что этот небесный ангел замужем, да ещё за таким явным тюфяком. Да, недаром говорить, что любовь зла...

Им заново овладело страстное желание заключить в объятия эту красотку и насладиться её очаровательным юным телом.

«Раз замужем, значит женщина. А я её принял за девушку. Что она в нём такого нашла?» – подумал Отрепьев, но вслух спросил:

– Какая у вас фамилия?

– Сотниковы мы, – за мужа и за себя ответила молодая женщина.

– А звать вас как? – спросил Отрепьев, на этот раз он обратился непосредственно к женщине.

– Оксана, – скромно проговорила молодая жена.

Она ни капли не смутилась от пожирающего похотливого взгляда прапорщика.

Оксана с раннего детства привыкла к таким взглядам, и это льстило самолюбию молодой женщины.

Видя, что и прапорщик запал на неё, Оксана мысленно поздравила себя с очередной победой и удовлетворённо пришла к логическому выводу, что ей удастся всё решить положительно.

– Так что вы от меня хотите, Оксана? – с напускной суровостью прервал радужные мысли Отрепьев.

– Нельзя ли мужу сделать отсрочку от армии?

– Нет, это жутко сложно, – назидательно начал говорить Отрепьев.

– Мы вам будем страшно благодарны, – не дав закончить, страстно принялась говорить Оксана.

– Благодарность в карман не положишь и в стакан не нальёшь, – привычно пошутил Отрепьев.

– Всё, что скажите, всё будет! Всё сделаем! – горячо стала уговаривать Оксана.

Она восприняла слова прапорщика буквально. Как прямой приказ к действию.

– Это сложно сделать, – продолжил набивать себе цену Отрепьев, – вы должны понимать, что для отсрочки нужны жутко веские причины!

– У меня сейчас целый месяц беременности! – как за соломинку, ухватила Оксана за спасительную мысль, вдруг пришедшую в голову.

– Месяц, это страшно мало! Нужно семь-восемь месяцев, чтоб говорить об отсрочке, – резонно ответил Отрепьев.

– Помогите нам! – чувствуя, что ей не удаётся уговорить противного прапорщика, умоляюще проговорила Оксана.

Она жутко хотела оставить мужа дома хотя бы на два-три месяца, а несговорчивость прапорщика полностью выбила Оксану из намеченной колеи поведения.

Молодая жена готова пойти на всё, чтобы добиться заветной цели. Муж безучастно опустил голову и сосредоточенно изучал неровности некрашенных половиц кабинета.

Видя, что уговоры плохо действуют на этого сурового прапорщика, она проворно подошла к сидящему за столом Отрепьеву, наклонилась к уху прапорщика. Глубокий вырез кофточки оказался в двух сантиметрах от глаз Отрепьева. Он хорошо разглядел не только кружева бюстгалтера, но и соблазнительно торчащие, как две спелые дыньки размером в приличный кулак каждая, аппетитные грудки.

Оксана томно прошептала:

– Мы будем страшно вам обязаны, а благодарность не будет иметь границ.

После чего она чмокнула Отрепьева в щеку.

– Ладно, но, токмо ради вас Оксана, попробую помочь, – проговорил Отрепьев, его ободрили многообещающие посулы молодой женщины, – сходите в нашу районную больницу и найдите медсестру Веру Степановну...

– Я её знаю, – с воодушевлением в голосе перебила Оксана.

– Великолепно, – хмуро сказал Отрепьев, он не любил, когда его перебивали и пожалел, что решил помочь этой симпатичной женщине, – скажите, что пришли от меня.

Вера Степановна регулярно помогала Отрепьеву в таких щекотливых для родственников ситуациях и прапорщик с медсестрой соответственно, заранее всё обговорили для решения подобных вопросов.

Услышав слова Отрепьева, Оксана радостно отпрянула от него, схватила робкого муженька за руку и поволокла к выходу.

Прапорщик проводил пожирающим взглядом восхитительную фигурку потенциальной кандидатки в любовницы и продолжил заниматься неотложной документацией.

В конце рабочего дня, в дверь кабинета торопливо постучались. Как и утром, в помещение влетела довольная Оксана. Она держала в одной руке доверху набитую провизией большую сумку, а в другой какую-то бумажку. На этот раз мужа с собой не взяла. На Оксане имелась всё та же кофточка с распахнутой курткой, но брюки она заменила куцей юбкой, малость прикрывающую белые трусики, но хорошо оголяющая стройные ножки хозяйки и соблазнительно подчёркивала округлость упругих ягодиц молодой женщины.

– Я всё сделала, как вы сказали, – радостно, ещё у распахнутой двери, сообщила молодая жена призывника.

Закрыв за собой входную дверь, она моментально впорхнула в кабинет, плавно поставила тяжелую сумку у стола на пол и протянула Отрепьеву воделенную для себя бумагу.

Отрепьев взял бумагу. Это оказалась справка из больницы. Вера Степановна указала, что у Оксаны Сотниковой восемь месяцев беременности.

– Сейчас другое совсем дело, – удовлетворённо произнёс Отрепьев, – завтра можно мужа послать служить и поближе.

– Я вам принесла обещанный магарыч, – указывая на сумку, проговорила довольная Оксана.

– Это дело надо отметить. Как насчёт рюмки чая?

– Не откажусь.

– Тогда садись за стол, – незамедлительно переходя на «ты», повелительно приказал Леонид, – я сейчас организую.

Оксана скромно присела на стул около стола.

Вся прежняя удаль мгновенно улетучилась и она сейчас пожалела, что согласилась выпить с прапорщиком эту рюмку, и как скорей всего окажется, не чая.

Отступать в этой ситуации нельзя и, чтоб не злить сурового прапорщика, ради благополучия собственного мужа, она решила продолжить участие в этом сомнительном мероприятии.

За то время, что Оксана обдумывала правильность собственного поступка, Леонид встал из-за стола, подошёл к двери и закрыл её на ключ. После чего он отправился к сейфу, стоящему в углу комнаты и открыл его. Достав оттуда бутылку водки и два гранёных стакана, поставил их на стол.

– Но закусить нечем, – огорчённо произнёс он.

– Так, у меня есть! – спохватилась Оксана, и стала доставать из сумки принесённую снедь.

Отбросив все угрызения совести, она решила, что это делает ради общего блага мужа и молодой семьи, Оксана стала деловито хлопотать за сервировкой импровизированного стола.

Все движения молодки отличались плавностью и грациозностью. Она с увлечением возилась с продуктами, чувствовалось, что это занятие доставляет ей удовольствие.

Леонид невольно залюбовался ею. Его всё с большей силой, неодолимо тянуло обнять её соблазнительный гибкий стан, ощутить пьянящий запах волос, крепко сжать аппетитные груди и упругие ягодички.

Но он решил не спешить, чтоб не спугнуть эту дикую козочку.

Как опытный укротитель, он не форсировал события, а неспешно с терпением и лаской стремился добиться своей намеченной цели.

Оксана, всем телом прекрасно чувствуя похотливый взгляд присутствующего мужчины, украдкой поглядывала на прапорщика. Она видела, какими голодными глазами матёрого самца смотрел он на её привлекательное тело. Это льстило и возбуждало. В мыслях она согласилась на капельку расширить скромный опыт сексуального общения, но навязываться считается неприличным делом, и она ждала от Отрепьева дальнейших активных действий.

Леонид налил миллилитров по сто водки в стаканы и присел рядом с ней на свободный стул.

– За что будем пить, – кокетливо спросила Оксана.

– За твоего ненаглядного мужа. Чтоб легкой проходила у него служба, и быстрее вернулся под твоё нежное крылышко, – проговорил он и чокнулся с Оксаной.

Отрепьев полностью опорожнил содержимое стакана, а Оксана слегка пригубила.

- Ну, дорогуша, так не пойдёт! Ты что, не любишь мужа?
- Люблю.
- Тогда надо выпить до самого дна.

Послушавшись указаний прапорщика и, чтоб его не раздражать, Оксана с великим трудом выпила всю жидкость до самого дна и непроизвольно скривилась от неприятных ощущений. Отрепьев налил в её освободившийся стакан минеральной воды и пододвинул к спутнице.

- На, запей минералкой, – предложил он.

Она выпила воды, и на душе стало значительно легче. По всему телу пробежала приятная теплота. Голова крошку закружилась, но это навесело у Оксаны интерес к дальнейшему ходу событий.

– После первой и второй, промежуток небольшой, – проговорил Отрепьев, – разливая водку по стаканам и поднимая свой, – этот тост я хочу поднять за тебя! За твою обворожительную, ангельскую красоту, за очаровательную фигуру, чтоб ты оставалась такой восхитительно-прекрасной всю оставшуюся жизнь!

- Спасибо, – скромно потупила глаза Оксана, ей приятно слушать такую лесть.

Они выпили ещё раз. На этом этапе застолья водка пошла значительно лучше и она по примеру прапорщика, осушила весь стакан.

– Сейчас полная молодчина, – похвалил он, и осторожно взяв руку спутницы, спросил, – ты такая очаровательная, небесной красоты женщина, а выбрала в мужа тюфяка, не мужик, а прямо телок, какой-то! Зачем тебе такой муж нужен?

Говоря это, Отрепьев начал нежно целовать её прекрасные пальчики. Он ласково принялся делать мягкий массаж ладони, а затем стал целовать выше.

Такое обращение Оксану смутило и обескуражило, но чего не вытерпишь ради любимого мужа. Да и ощущения от действий прапорщика приносили одни приятные впечатления. Сердце принялось учащённо биться и стремилось выпрыгнуть из груди, а по телу пробежали мурашки желания, плавно перешедшие в тёплую волну возбуждения.

Молодка не ожидала от самой себя такой прыти. Первоначальная обескураженность переросла в адское желание, чтоб прапорщик не останавливался, а активнее продолжал ласки.

Никто из мужчин ни единого раза не целовал рук молодой женщины. Для неё это происходило впервые, но она моментально освоилась и решила расслабиться, чтоб получить все-ленское удовольствие. Да и что в этой ситуации крамольного? Да, прапорщик целует Оксанину руку, но до революции все мужчины в приличном обществе целовали дамам руки. Она сама это видела в кинофильмах.

- Такой-то мне и нужен, – откровенно проговорила она, не пытаясь отнять руки, – он меня любит, ничему не перечит, готов выполнить моё любое желание, любое требование.
- Несамостоятельный он у тебя.
- Зато я страшно самостоятельная и активная, меня на двоих хватит.
- Надо проверить эту активность.
- Проверти, – кокетливо произнесла Оксана.

Самолюбию молодой женщины доставляло искреннее удовольствие такое повышенное мужское внимание и получаемые ощущения. Алкоголь притупил природную стыдливость, затуманил голову.

Она любила наблюдать, как все мужики восхищались её точёной, словно из мрамора фигуркой, голодными глазами платонически пожирая её соблазнительное тело.

Это льстило самолюбию. Она регулярно позволяла себе с мужиками лёгкий флирт, но ничего иного, она оставалась верной одному мужу. Он единственный из мужчин, кого полностью Оксана допускала до собственного тела.

Ухаживание Отрепьева она благосклонно принимала за лёгкий флирт с нужным человеком, от прапорщика зависело многое. Алкоголь делал своё гнусное дело, туманил разум и ослаблял тело, парализуя рассудок.

Чтоб окончательно подавить волю спутницы, Отрепьев налил ещё водки и они выпили. Видя, что Оксана благосклонно относится к ласкам, Леонид обнял её.

– Хороша ты девка! – хрипло пробормотал он и властно поцеловал в губы.

Затем Леонид по-хозяйски раздвинул ей зубы языком и с наслаждением начал активно массировать женское нёбо и мягкий влажный язычок столь обворожительной посетительницы. Язык прапорщика, как громадный питон стремился проглотить все дивные внутренности спутницы.

Оксане это понравилось, женщину обдало удушливым жаром, и она непроизвольно ответила взаимным страстным поцелуем. Молодка ввела собственный язык к нему в рот и, в ожидании наслаждения, прикрыла глаза.

По телу Оксаны вновь пробежала волна желания. Сердце, как взбесившееся колотилось в груди, пульс пудовыми молотами бил в виски, мысли путались, и голова страшно кружилась. Внизу живота возникли судорожные спазмы, а между ног молодка почувствовала предательскую влагу. У женщины не нашлось сил двигаться и сопротивляться, а ноги начали самопроизвольно подкашиваться.

Руки Отрепьева стали медленно расстёгивать пуговицы кофточки, чем продлевали мужчине наслаждение от этого занятия.

– Не надо, товарищ Отрепьев, – томно проговорила Оксана.

Она собрала всю оставшуюся волю в кулак, прервала поцелуй и на малую толику отстранилась, хоть в душе страстно желала, чтобы прапорщик не останавливался.

– Леонид, – поправил он и, следуя, невыраженным желаниям спутницы, продолжил расстёгивать пуговицы.

– Леонид, меня кроме мужа, ещё никто не трогал, и я хочу всецело принадлежать одному ему.

– Тебе пора попробовать и с другими мужчинами! Муж тебя не научит тому, чему могу научить я. Ты хочешь, чтоб муж находился недалеко от тебя в эти два года?

– Да, очень.

– Это надо заслужить соответствующим поведением, да заодно проверим пресловутую активность, чем ты так хвасталась, – страстно проговорил Леонид.

– Но Леонид, – из последних сил попыталась возразить Оксана, – лучше я расплачусь деньгами.

– Нет, мне деньги не нужны.

– Тогда, может ещё, чем иным?

– Однозначно собой! У тебя есть желание, чтоб муж служил рядом с домом, а не уехал пограничником на Камчатку?

– Да, есть, но Леонид, не надо оплачивать это телом!

– Достойная оплата за переоформление мужа, это твоё восхитительное тело, и никаких но, ты должна мне отдаться!

Говоря это, он расстегнул последнюю пуговицу, распахнул кофточку, сдвинул вверх бюстгальтер и властно сжал обнажившуюся упругую молодую грудь.

Это Оксана окончательно не понравилось, но ради мужа, да под воздействием алкоголя, последние крошки стыдливости ушли на второй план. Она решила не перечить наглому прапорщику, да и алкогольное опьянение полностью парализовало волю.

– Но не надо в этом помещении, – ответила Оксана, в душе смирившись с предстоящим и, с лёгким угрызением совести, приготовилась продолжить любовные игры, но природная осторожность заставила произнести, – в любой неподходящий момент могут в кабинет войти.

Отрепьев прекратил обнимать её и отодвинулся от Оксаны. Затем с минуту подумал, взял бутылку и разлил остаток водки по стаканам.

– Давай ещё по одной, и пойдем, прогуляемся в лесок, здесь недалёко.

Они выпили и закусили. Оксана торопливо привела растрёпанную одежду в порядок.

– Собери со стола, а потом жди меня у входа из военкомата, – повелительно проговорил Отрепьев.

Оксана принялась собирать остатки скромного застолья, а Леонид вынул из принесённой сумки бутылку коньяка с палкой колбасы и вышел из кабинета.

Глава шестая

Пройдя коридор, Отрепьев остановился около кабинета военкома и постучал. Выждав пару секунд, он заглянул вовнутрь.

Кабинет представлял собой просторную комнату. Часть правой стены занимало большое окно, что выходило во двор военкомата, а вдоль левой стены расположился шкаф.

В противоположной стороне от двери стоял стол, за ним сидел майор Дёмин и что-то писал.

В кабинете, кроме военкома, никого не наблюдалось.

– Разрешите, Юрий Владимирович? – спросил Леонид.

Не дожидаясь ответа, он вошёл в кабинет и подошёл к шкафу.

Зайдя за шкаф, Отрепьев отодвинул занавеску прикрывающую нишу в стене. В нише стоял сейф. Он открыл дверь сейфа и поставил в глубину бутылку коньяка и палку колбасы.

Дёмин вопросительно взглянул на Отрепьева.

– Надо Сотникова из пограничных войск определить в другие войска и поближе к дому.

– О чём ты до этих пор думал? Ты прекрасно знаешь, что все, кто идёт в погранвойска, проходят проверку спецслужбами и их ставят на надлежащий учёт.

– Знаю, – сконфуженно проговорил Отрепьев, – но так получилось...

– У него, видишь, так получилось, а меня за это по головке не погладят. Ну, ладно, – подумав пяток секунд, через паузу проговорил Дёмин, – у меня есть один запасной, я его помещаю с Сотниковым. Может, его в областном центре оставить служить?

– Не надо, – воспротивился Леонид, втайне мечтавший на длительный роман с Оксаной, а частые увольнения мужа могли жутко помешать задуманному, – в прошлый раз мы оставили призывника в областном центре, так через полгода родственники прибежали просить отправить его служить в другое место.

– Почему?

– Он ездил регулярно в увольнение домой, да с собой привозил трёх-четырёх сослуживцев погостить. А их всех кормить и поить надо. Первые месяцы родственники были рады, а потом всё это обошлось им в копеечку. Они не выдержали, пришли с просьбой отправить солдата в другое место службы. Пришлось пойти им навстречу.

– Хорошо, поедет служить в соседнюю область.

На том и порешили.

– Юрий Владимирович, можно я отлучусь, сегодня на час раньше, – попросил Леонид.

– Ладно, давай, – согласился Дёмин и вернулся к прерванным занятиям.

Довольный Отрепьев вышел от военкома и направился к выходу из здания военкомата.

У дверей его ждала Оксана. Леонид, ни слова не сказав, кивнул молодой женщине и пошёл вперёд. Оксана последовала за прапорщиком. Отрепьев завернул за угол и быстрым шагом направился к леску, что расположился в двухстах метрах от военкомата.

На дворе начало октября, но на улице ещё стояла тёплая погода. Осеннее солнце клонилось к закату, сейчас оно подошло к самому горизонту, мягкими лучами окрашивая перистые облака в изумительный золотистый цвет.

Как бы отражая этот цвет, пяток молоденьких берёзок, как заправские модницы, тоже стали примерять золотое убранство. Невысокая рябина успела принарядиться пурпурно-коричневым платьем и меланхолично разбросала кирпично-красные плоды по всей кроне. Статная липа позолотила края зелёной листвы, да добавила тройку золотых украшений в собственную крону. Как рачительная дама, она не спешила полностью менять цвет летнего наряда, надеясь на возвращение тепла.

Следуя примеру липы, большинство деревьев не торопилось менять летний зелёный наряд на багрец и золото.

Отрепьев с Оксаной вступили в лесную прохладу, и не торопясь, пошли по дорожке к ельнику. Основное злаковое разнотравье пожухло, но ещё местами зеленел пырей, под орешником прятался вечнозелёный копытень, цикорий отцветал последними голубыми цветками.

Войдя в ельник, они прошли метров двадцать, и Леонид остановился. Он повернулся к спутнице и одной рукой обнял Оксану и прижал к себе, а другой, сжал её восхитительную грудь.

– Муж будет служить в соседней области, – сообщил он и самоуверенно начал расстёгивать пуговицы кофточки.

– А почему не у нас? – разочарованно проворковала Оксана, но не стала препятствовать наглым действиям прапорщика.

– Я сделал всё, что можно, хотя это удалось с великим трудом, – охрипшим от сильного возбуждения голосом, проговорил Отрепьев.

– Но вы обещали, что он будет служить рядом с домом, – попыталась усовестить прапорщика Оксана.

– Муж и будет недалеко от семьи, но в другой области, – раздражённо ответил Леонид и страстно поцеловал её в губы, чем мгновенно прекратил ненужную дискуссию.

По телу молодки вновь пробежала нервная дрожь, как от сильного разряда электрического тока. Тело призывно поддалось искушению. Молодая женщина ещё раз ощутила все переживания, что перенесла в кабинете прапорщика и это ей чертовски нравилось.

Оксана прикрыла глаза, чтобы ничто не отвлекало от получаемого удовольствия, и также активно ответила на поцелуй.

Ободрённый этим, Леонид мигом расстегнул все пуговицы кофточка, одним мановением руки сдвинул вверх бюстгалтер и освободил из томительного заточения упругие груди.

Отрепьев нежно принялся сжимать и разжимать их, а затем начал ласково целовать набухшие соски.

Он игрался с ними, как ребёнок играет с любимой игрушкой. Рот прапорщика неторопливо всасывал то один сосок, то другой, то брал вместе оба. Леонид их и покусывал, и массирует языком, и облизывал. Он с упоением наслаждался твёрдостью и упругостью молочных желёз молодой нерожавшей женщины.

После этого он принялся осыпать желанное тело страстными поцелуями.

Оксана начала стремительно возбуждаться, она постанывала от удовольствия, чем подстёгивала Отрепьева к дальнейшим решительным действиям.

Не прошло и четырёх минут, как юбка с белыми трусиками валялись на еловой подстилке, а рука Отрепьева проникла спутнице между ног и по-хозяйски принялась массировать клитор с влагалищем, это доводило Оксану до предоргазменного состояния.

– Возьми меня! – простонала она, не в силах терпеть этой сладостной пытки.

Леонид не стал ждать повторения просьбы. Он снял со спутницы куртку, постелил её на хвойную подстилку, нежно усадил Оксану на импровизированное ложе, а затем аккуратно положил навзничь.

Она вновь закрыла глаза, в предвкушении дальнейших событий, а он мгновенно снял брюки с трусами и продолжил активно массировать вожаденное женское тело.

Вскоре ему самому надоела эта сладостная экзекуция. Вставший как кол двадцать первый палец требовал от хозяина немедленного проникновения в заветную пещерку явно ещё плохо разработанной женской плоти. Раздвинув новоиспечённой любовнице ноги, Отрепьев лёг на Оксану и с наслаждением вошёл в вожаденное лоно. Оно оказалось узким и довольно влажным, чтоб его молодец легко мог глубоко проникнуть до самого основания.

Он не любил презервативы, да и с ними в советское время имелась определённая напряжёнка. Леонид предпочитал естественный процесс.

– Постой, подожди, – вдруг завокнулась Оксана.

– Что случилось? – удивился Леонид и прервал начатые действия.

– Приподнимись крошку, – жалобно проговорила она, – что-то мне попало в задницу.

Леонид приподнялся. Оксана рукой залезла под ягодицы и вскоре вынула старую еловую шишку и отбросила в сторону. После этого они продолжили наслаждаться друг другом.

Прапорщик оказался значительно активнее мужа, а его двадцать первый палец, как тугой поршень в шприце, плотно входил во влагалище, чем мгновенно доставлял неописуемое удовольствие молодой женщине, до сего дня неведомое ею.

Муж ни в какие подмётки не годился Леониду и не мог никак конкурировать с прапорщиком в сексуальных играх.

Постепенно Оксана начала возбуждаться и ей стало безразлично сравнение мужа с Леонидом. Она сосредоточилась на собственных ощущениях. Тело молодки податливо отзывалось на все действия опытного мужчины. Ритмичные толчки детородного органа между ног создавали пульсацию всего женского тела и приводили хозяйку в неописуемый восторг.

За три месяца супружеской жизни ей не довелось ни единого раза получить такое приятное и замечательное удовольствие при половом общении, как сегодня. Она потеряла ощущение реальности и провалилась в состояние неги и блаженства. Душа Оксаны улетела в необъятную высь к звёздам, где беззаботно летала среди созвездий и галактик, она наслаждалась свободным полётом и нахлынувшими чувствами. Молодка фибрами души, всеми клеточками впитывала приятные ощущения и искренне наслаждалась от получаемого удовольствия.

Она находилась на семьсот семьдесят седьмом небе от счастья.

Вновь испечённые любовники длительное время самозабвенно занимались друг другом, но в одно из мгновений спазмы оргазма одновременно сокрушили тела и они затихли, чтоб продлить удовольствие.

– Ты довольна, – поинтересовался Отрепьев, как отдохнул от полученных ощущений.

– Да, – томно ответила Оксана, ещё не полностью отошедшая от пережитого удовольствия, – впервые в жизни я получила такое божественное наслаждение.

– А ты не хотела, – игриво проговорил Отрепьев и начал подниматься на ноги.

– Кто знал, что будет так хорошо, – поддержала игру Оксана и последовала примеру прапорщика.

Они оделись и отправились в обратный путь. Перед выходом из леса Отрепьев остановился и пропустил Оксану вперёд.

– Если ещё что понадобится, или соскучишься, то милости просим, – проговорил он ей вслед.

– Хорошо, я подумаю, – ответила она и добавила, – не забудь про мужа.

– Не волнуйся, всё будет тип-топ.

Отойдя метра три, Оксана остановилась, повернулась к Леониду, и сказала:

– Когда муж будет служить недалеко от дома, тогда подумаем о продолжении таких встреч.

– Это другой разговор, договорились.

После этого они разошлись в разные стороны.

Как и обещал военком, после призыва в армию, мужа Оксаны направили в воинскую часть, что расположилась в соседней области.

После первой встречи, Отрепьев ещё не один раз встречался с Оксаной в разных местах, и они самозабвенно предавались любовной страсти. Она оказалась действительно темпера-

ментной женщиной и активной в постели. Их любовные игры доставляли обоим массу приятных впечатлений.

Экстремальные условия и опасность в любой неподходящий момент оказаться замеченным чужим недобрым взглядом, придавали их встречам всё больший шарм.

С Оксаной он получал несравненно значимые удовольствия, чем с женой, царицей Тамарой.

С первой брачной ночи Тома стала вести себя властолюбивой хозяйкой как в доме, так в супружеской постели.

Каждый день, как Леонид начинал с ней заниматься любовными играми, так в ту минуту слышал различного рода претензии.

– Ой, не надо в этом месте трогать, – начинала громко, на всю спальню, возмущаться жена, когда он решил сжать её чудесную грудь.

– Ай, осторожней, ты меня можешь укусить, – пронзительно верещала она, когда Леонид пытался поцеловать набухшие соски аппетитных грудей Тома.

– Мне щекотно, не надо! – возмущалась супруга, когда он языком пытался дотронуться до манящей груди.

– Не надо меня в это место целовать, – яростно протестовала Тамара, когда он пытался приглубить миниатюрный пупок жены.

Половой акт она любила совершать в единственной позе, когда находилась под мужем, и никаких изменений, новшеств и иных поз не признавала.

В другой какой раз, когда Леонид провинился, или заслуживал недовольство супруги, она устраивала сексуальную экзекуцию.

Хорошо развитыми мышцами влагилица Тома настолько сжимала вход, что Леонид, сколько ни пытался проникнуть вовнутрь, ему это никак не удавалось сделать.

Порой, такой запрет доступа к телу Тамары продолжался неделями, а в иной какой раз и месяцами.

Хоть это не помешало супругам иметь совместных двоих детей: дочку и сына.

По этой причине он и стал посматривать на сторону.

Леонид продолжал любить Тамару, но холодность жены в интимном общении заставляла искать половой близости с другими женщинами.

Хотя, положа Отрепьеву руку на сердце, кроме физиологического удовлетворения от проведённого полового акта, иных чувств любовницы не вызывали.

Случались моменты, когда Леонид лежал на Оксане в кровати, активно трудился двадцать первым пальцем в разработанной пещере любовницы, и откровенно удивлялся сам себе и мысленно спрашивал: «Зачем я это делаю?»

Но вспоминая лютую холодность жены в постели, да издевательства с сексуальными запретами, он с удвоенной страстью принимался за сексуальные игры с любовницей.

Леонид страстно любил ненаглядную Тамару, жить без неё не мог и хорошо к жене относился.

Но как появиться на горизонте новая красотка в юбке, так он готов бежать за ней сломя собственную голову, хоть на самый край света.

Инстинкт самца-производителя оказывался сильнее любви Леонида к жене.

На всех этапах совместной семейной жизни Тамара полностью подавляла его. Леонид искренне считал, что изменяя ей, он утверждался в собственных глазах.

А возможно, он ей просто мстил.

Мстил за то, что не стал офицером, за то, что жил в примаках, да и с тётцей не сложились нормальные отношения.

Значительно легче обвинить любого в собственных неудачах, чем признать ошибки, что сделал по глупости, или по недомыслию.

Прошло время, его любовный угар к Оксане утих. Это случилось после возвращения демобилизованного мужа домой. Леонид постепенно перестал встречаться с любовницей.

Боясь, что муж узнает об измене, Оксана тоже не настаивала на продолжении романа с прапорщиком. Хотя Леонид доставлял несказанное удовольствие в сексуальных играх, чем не имел возможности похвастаться родной муж ни до, ни после службы в армии.

Глава седьмая

В период воинского призыва бумажная писанина отнимала кучу времени и без работы помощников, Отрепьев однозначно не смог со всем справиться.

У него в подчинении находилось два официальных помощника, вернее помощницы: Варя и Галя. Они были вольнонаёмными сотрудниками военкомата и занимались оформлением документов, военных билетов и различными другими бумагами.

Варя представляла собой невысокую, пышногрудую блондинку. Десяток лишних килограмм придавали женской фигуре округлые формы, что побуждало мужской взгляд придаваться различным фантазиям.

Она считалась тридцатилетней разведённой, благосклонно принимавшая мужские знаки внимания. Её округлое лицо светилось добротой и любовью.

Галя являла собой противоположность подруге. Она выглядела выше среднего роста худощавой шатенкой, лет на десять моложе Вари, ещё не замужем и не имевшая постоянного парня. Её вытянутое в овале лицо ежечасно казалось серьёзным и деловым.

Основная работа у них имела всего два раза в году, во время воинского призыва, а в остальное время загрузка помощниц считалась мизерной. Это их полностью устраивало, и они дорожили таким местом работы.

Это не на ферме с раннего утра до позднего вечера за коровами ухаживать, или в поле, от зори до зори, с тяпкой трудиться. Да и на сахарном заводе, что расположился рядом с военкоматом, надо вкалывать, чтоб выполнить план. Другой работы в райцентре не имелось.

Прапорщику нравились помощницы, с большей симпатией он относился к пышногрудой Варе. Но Отрепьеву никак не удавалось найти подходящий повод, чтоб познакомиться с ними поближе, в интимной обстановке. А без повода, или использовать служебное положение, он не хотел.

Одним холодным осенним утром не успел Отрепьев войти в собственный кабинет, как прапорщика окликнула помощница Варя.

Она выглянула из соседнего кабинета:

– Леонид Иванович, к вам женщина на такси приехала.

– Проведи её ко мне, – ответил Отрепьев и вошёл в кабинет.

Через пять минут в дверях кабинета показалась среднего роста, сухоощавая женщина лет пятидесяти, одетая в тёплую кожаную куртку светло-коричневого цвета, тёмно-синие джинсы и осенние сапоги под цвет куртки.

– Здравствуйте, – проговорила она, и остановилась у двери, – вы прапорщик Отрепьев?

– Да, это я, – ответил он и добавил, – проходите, присаживайтесь.

Женщина прошла в кабинет и села на свободный стул около стола, где сидел Отрепьев.

– Мой отец служил военным лётчиком и погиб во время Великой Отечественной войны, – проговорила она, – я обращалась в военный архив, и узнала, что его похоронили в этих краях.

– В нашем райцентре? – уточнил Отрепьев.

– Нет, в соседней деревне.

– Надо в неё сходить.

– Мы можем съездить, я на такси.

– Тогда поехали.

Отрепьев встал из-за стола и направился к выходу, за ним последовала женщина.

Выйдя из военкомата, он увидел недалеко стоящее такси.

Женщина обогнала прапорщика и решительно направилась к машине. Они подошли к легковому автомобилю. Женщина открыла переднюю дверь, и села в такси, Отрепьев разместился на заднем сидении и захлопнул дверь.

– Николай, – обратилась она к таксисту, – нам надо съездить в соседнюю деревню.

– Без проблем, – ответил тот и включил зажигание.

Подъехав к деревне, они увидели идущего навстречу им по обочине мужчину лет сорока.

– Остановите, – попросил Отрепьев.

Таксист остановил машину. Леонид открыл дверь и подождал, до тех самых пор, пока мужчина не поравняется с машиной.

– Здравствуйте, – сказал Отрепьев.

– Здравствуйте, – ответил мужчина и остановился.

– У вас в деревне во время Великой Отечественной войны похоронили сбитого советского лётчика. Вы не знаете, где могила?

– Нет, в первый раз слышу.

– А кто может это знать?

– Не могу вам точно сказать, – озадаченно проговорил прохожий, но потом, с минуту подумав, добавил, – может баб Зина. Дом стоит как раз у кладбища.

– Как к ней доехать?

– Это просто, – охотно проговорил мужчина и рассказал, как добраться.

Доехав до дома бабы Зины, прапорщик с дочерью погибшего лётчика вышли из машины и направились к калитке дома.

Калитка с забором оказались ветхими, казалось, два десятка лет не крашенные. Да и дом производил гнетущее впечатление.

Брёвна стен почернели от старости, а местами прогнили. Шифер на крыше полностью покрыт мхом и лишайником.

Зайдя во двор, они увидели старушку, одетую в фуфайку, на ногах резиновые сапоги.

– Здравствуйте, – приветствовал Отрепьев, – вы баб Зина?

– Здравствуйте, – прошамкала старушка, – да, это я.

– Мы ищем могилу советского лётчика, его похоронили в этой деревне, вы не знаете, где она?

– Знаю, – ответила баба Зина, а затем пристально посмотрев на спутницу Леонида, добавила, – а это скорей всего дочка того лётчика. Я сейчас.

Баба Зина зашла в дом и минут через десять вышла, она держала в руке две старые фотографии.

– Вот, смотрите, – проговорила она.

Отрепьев взял в руку протянутые фотографии.

На одной, изрядно пожелтевшей, прапорщик увидел молодого симпатичного мужчину в лётной форме. На другой, его запечатлели с двумя девочками, возможно, дочерьми.

Приехавшая женщина лицом оказалась похожей на лётчика, вылитая копия, но старше отца. Посмотрев фотографии, он протянул снимки дочери лётчика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.